

18+

**РИЧАРД
ШЕПЕРД**

ВЕДУЩИЙ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИЙ ЭКСПЕРТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ,
АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «НЕЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ»

**СЕМЬ
ВОЗРАСТОВ
СМЕРТИ**

путешествие судмедэксперта
ПО ЖИЗНИ

ПРИЗВАНИЕ
книги о тех, кто
нашел свое дело в жизни

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Призвание. Книги о тех, кто нашел свое дело в жизни

Ричард Шеперд

**Семь возрастов
смерти. Путешествие
судмедэксперта по жизни**

«ЭКСМО»

2021

УДК 343.95
ББК 67.5

Шеперд Р.

Семь возрастов смерти. Путешествие судмедэксперта по жизни /
Р. Шеперд — «Эксмо», 2021 — (Призвание. Книги о тех, кто
нашел свое дело в жизни)

ISBN 978-5-04-162125-4

Перед вами новая книга специалиста по мрачному миру внезапной и неестественной смерти. Только в этот раз Ричард Шеперд, ведущий судмедэксперт Великобритании, обращается к неожиданной для себя теме: исследует возраст и старение. Из книги Семь возрастов смерти вы узнаете, почему в определенном возрасте некоторые причины смерти становятся более вероятными, как меняются наши тела с течением времени и можно ли что-то поделать с этим. Описывая случаи из своей многолетней практики, он расположил их по "возрастанию" от младенчества до старости, а также включил в книгу интересные сведения о различных системах организма и их особенностях. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.95

ББК 67.5

ISBN 978-5-04-162125-4

© Шеперд Р., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Примечание автора	7
Пролог	8
Глава 1	10
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ричард Шеперд

Семь возрастов смерти: Путешествие судмедэксперта по жизни

Richard Shepherd
The seven Ages of Death

© Иван Чорный, перевод на русский язык, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Моей замечательной семье за все то счастье, которое они мне подарили, и прежде всего моей жене Линде, которая, несомненно, во всех смыслах стала моей спасительницей.

Весь мир – театр.
В нем женщины, мужчины – все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той. Сперва – младенец,
Блюющий с ревом на руках у мамки...
Потом – плаксивый школьник с книжной сумкой,
Умыт до глянца, нехотя, улиткой
Ползущий в школу. А затем – любовник,
Вздыхающий, как печь, с балладой грустной
В честь бровок милой. А затем – солдат,
Чья речь всегда проклятьями полна,
Обросший бородой, как леопард,
Ревнивый к чести, забияка в ссоре,
Готовый славу брентную искать
Хоть в пушечном жерле. Затем – судья
С брюшком округлым, где каплун запряган,
Со строгим взором, стриженной бородкой,
Пословиц мудрых и примеров кладезь, —
Так он играет роль. Шестой же возраст —
Уж это будет тощий Панталоне,
С очками на носу и с сумкой сбоку,
В штанах, что с юности берег, широких
Для ног иссохших; мужественный голос
Сменяется опять дискантом детским,
Свистит, шипит... Ну а последний акт,
Конец всей этой странной, сложной пьесы, —
Второе детство, полузабытье:
Без глаз, без чувств, без вкуса, без всего.

Шекспир. «Как вам это понравится».
Перевод Татьяны Львовны Щепкиной-Куперник

Примечание автора

В своей первой книге «Неестественные причины» я уже объяснил, как тяжело было мне менять имена и подробности дел, про которые я рассказывал. На протяжении всей своей карьеры я стремился к точности, одновременно стараясь облегчить страдания близких погибших. Это было трудное решение, но в итоге я все-таки решился внести эти изменения, так как мне меньше всего хотелось бы, чтобы кто-то из читателей узнал на страницах книги трагическую историю своего родственника и уж тем более чтобы это всколыхнуло болезненные воспоминания. Точно так же было и с этой книгой. Имена тех, чьи истории слишком известны, чтобы их можно было утаить, приведены без изменений. Во всех остальных случаях я поменял персональные данные, чтобы не нарушить конфиденциальность людей, но при этом сохранить важные факты. Кроме того, следует понимать, что эта книга про смерть. Она содержит довольно подробные описания случаев смерти как по естественным, так и по неестественным причинам, от младенцев до глубоких стариков. Я искренне надеюсь, что это не вызовет у вас бурной эмоциональной реакции.

Пролог

Мой отец был при смерти, я аккуратно взял его за руку и сжал ее. Насколько же тонкими стали его пальцы, какими неподвижными они были теперь... И как же странно было его касаться. Он был мне и отцом, и матерью с тех самых пор, как ее не стало, – мне было девять. Помню, иногда я сворачивался калачиком у него на коленях, но, как бы глубоко ни любил, не проявлял своих чувств – в нашей семье это не было принято. Теперь же, ощутив его мягкую теплую руку в своей, я вспомнил о детстве.

Между нашим послевоенным поколением и поколением отцов огромная пропасть. Воспитанные людьми, чья молодость пришлась на правление королевы Виктории, они прошли лишения Первой мировой войны, стали зрелыми в самый разгар Великой депрессии, участвовали во Второй мировой войне – конечно же, они отличались от нас, бумеров¹, – поколения, у которого было все.

Я наблюдал за его телом. Он лежал с закрытыми глазами, откинувшись на подушки. Его грудь вздымалась и опускалась, медленно и ритмично. Я знал, что скоро дыхание остановится, и думал... О том, как он вел себя на протяжении всей жизни, как проявлялись его человечность и уважение к окружающим. О его скромной жизни, маленьких победах и увлечениях. О том, как он записывал музыку, которая играла на радио, после чего аккуратно, в своей бухгалтерской манере, расставлял подписанные кассеты. О том, какой сдержанной любовью были пропитаны наши телефонные разговоры по воскресеньям и регулярные письма с последними новостями, после того как мы покинули родительский дом. О невыносимой утрате, которая всех нас ожидала.

Я попрощался, сказав ему, каким он был замечательным отцом и как бы гордилась им моя давно покойная мать за проявленную к нам заботу. Только вот не сказал, что люблю его. Он это и так знал – о таких вещах людям его поколения было комфортнее знать, чем слышать. Я уехал из хосписа, понимая, что больше никогда его не увижу. Это было ясным сентябрьским днем. Красоту осеннего Девона не могли скрыть от моих глаз даже стоявшие в них слезы. Я не стал их вытирать.

Ведь так мы делаем, когда смерть забирает у нас любимых, – плачем и плачем. Что еще остается?

Чтобы принять дежурство у постели отца, в Девон приехал мой брат, и я вернулся в Лондон к своим судебным делам и вскрытиям. Когда позже на неделе зазвонил телефон, я сразу же догадался, кто это и какие новости сообщит этот голос.

Это была спокойная смерть, простое завершение жизни. Конечно, сотрудники хосписа потрудились на славу. Отца совершенно не мучила боль, а рядом был мой брат. За последние несколько дней отец успел увидеться со всеми нами, наше присутствие успокоило его – мы все его горячо любили, и каждый добился в жизни успеха, к которому он приложил немало усилий. Он мог сделать последний шаг на жизненном пути, не беспокоясь о том, что станет с миром, когда он уйдет. Он был атеистом, но верил и надеялся, что однажды воссоединится с моей матерью. Полностью смирившись с тем, что его время пришло, он скончался тихо и умиротворенно.

Повесив трубку, я сидел за столом в полном оцепенении.

Передо мной лежала открытая папка – дело об убийстве. Фотографии, разбросанные по всему столу, демонстрировали совершенно иной конец жизни. Моя профессия – проводить осмотр и вскрытие погибших людей, и у большинства из тех, кто попадает ко мне, смерть наступает раньше времени и редко бывает спокойной.

---

¹ Люди, родившиеся в эпоху бэби-бума (1950–1960-е годы прошлого века).

С моей работой можно запросто забыть, что тихий и мирный уход из жизни – это норма.

На следующий день после похорон я снова вернулся к работе – нужно было разбираться с этими смертями иного типа.

Сперва – младенец,

Блюющий с ревом на руках у мамки...

Глава 1

Потерянные учебники, кроссовок под кухонным столом. Дети поют шутливую песню, которую до сих пор крутят на радио по всей Британии, споря насчет правильных слов, не попадают в ноты, но в итоге все равно хором исполняют припев. Недоделанные бутерброды, паника из-за нехватки времени. Обычное утро понедельника.

Я привез детей в школу на пять минут позже обычного. Они забежали во двор, а я провожал их взглядом. Воцарившаяся в машине тишина была мне по душе, но в то же время мне не хватало их гомона. Как же быстро растут дети – к зиме им уже понадобится новая верхняя одежда. Внезапно дочь обернулась. Она над чем-то смеялась, а может, и вовсе продолжала напевать себе под нос. Увидев, что я не тронулся с места, она сразу же помахала рукой, с таким искренним усердием, на которое способны только дети. Заметив это, сын тоже повернулся и одарил меня кривой ухмылкой. Я было поднял руку, чтобы помахать в ответ, но их уже как ветром сдуло. Звенел звонок.

Итак, на работу. Я включил радио – снова эта песенка. Только не она. Но выключать я не стал. И хоть уже слышал ее этим утром раз десять, не меньше, все равно невольно улыбнулся. Какие же смешные рожицы корчили мои дети, когда ее пели!

Добравшись до морга, я увидел припаркованные рядом полицейские машины. Пришла пора погрузиться в другую вселенную.

Через полчаса я встретил группу детективов и помощника коронера² – они уже переоделись для вскрытия и стояли у входа в секционную, их резиновые сапоги все еще блестели после мытья. Не то чтобы они ждали меня – им просто не хотелось заходить внутрь. На самом деле мне тоже, хоть смерть уже давно и стала неотъемлемой частью моей жизни.

Никто не в восторге, когда перед тобой в морге оказывается младенец.

Мы показываем маленьким детям мир добрым и безобидным, защищаем от жестокости и несправедливости жизни, окружая всем мягким – шерстяными одеялами, пушистыми игрушками, удобной одеждой нежных пастельных цветов. Здесь всего этого нет. Поэтому, войдя и увидев младенца, его круглые щечки и крошечные пальчики, такого крохотного на фоне стола, тележек, холодильников, посреди этого пустого блестящего металлического пространства... Что ж, даже подготовленному человеку требуется какое-то время, чтобы в полной мере осознать увиденное.

Это продлилось лишь мгновение. Затем все молча заняли свои места вокруг тележки.

Детектив-инспектор³ перевела взгляд с младенца на мягкую игрушку, которую кто-то из сотрудников положил рядом. Погребальное подношение, оставленное родителями в качестве друга, который будет его любить и заботиться о нем в незнакомом странном месте. Наверняка вместе с ним похоронят и другие его игрушки. Люди делали такие подношения покойникам на протяжении всей истории, но потрепанный плюшевый мишка выглядит куда трогательнее, чем все золото в гробнице Тутанхамона.

– Все в порядке, босс? – спросил у инспектора один из детективов. У нее дрожал уголок рта. Она кивнула.

– Мы здесь, чтобы поработать ради этого ребенка во имя сострадания и научного исследования, – сказал я твердым голосом, надеясь, что прозвучал достаточно бодро, чтобы не дать

---

² Должностное лицо, специально расследующее смерти, имеющие необычные обстоятельства или произошедшие внезапно, и непосредственно определяющее причину смерти.

³ Звание в английской полиции, идет после сержанта и перед старшим инспектором; префикс «детектив» означает, что инспектор специализируется на проведении уголовных расследований.

пролиться ни одной слезинке на безупречно чистый пол секционной. Здесь нет места эмоциям. Иначе чем это все закончится?

Инспектор сглотнула.

– Родители...

– У босса в прошлом году родился ребенок, – сообщил один из коллег, пытаясь оправдать ее невероятно печальный вид, но она не нуждалась в оправдании.

– У меня самого двое детей, и мне очень сложно не думать о них, видя в секционной детский труп, – сказал я. – Тем не менее ваш ребенок жив и здоров, а лучшее, что мы можем сделать для родителей, эм-м... – я стал копаться в своих бумагах, – Фергюссон, Фергюссон Белл⁴, так это выяснить, от чего именно он скончался.

Инспектор мрачно кивнула и осмотрела тело Фергюссона.

Ему было шесть месяцев.

– Какие щечки, – сказал молоденький детектив.

– Ага, совсем карапуз, – кивнул помощник coronера. – Вы только гляньте на его живот.

– Приличный размер для шести месяцев, – согласился я. – Только вот мне кажется, что его руки и ноги успели опухнуть, что же касается живота...

Я положил два пальца ему на живот и постучал. Все прислушались – звук был глухим. Я переместил пальцы и снова постучал. А потом еще раз. И еще. Каждый раз слышался глухой звук.

– Это газ, – сказал я. – Внутри пусто. А теперь и его лицо кажется мне немного странным.

– А что с ним не так?

Я не был до конца уверен, что именно.

– Возможно, тоже опухшее.

Сфотографировав ребенка, мы срезали⁵ с него одежду, которую не сняли фельдшеры скорой, пытаясь его реанимировать. Мы сделали это максимально осторожно.

Родители часто просят вернуть одежду, в которой умерли их дети.

Затем я снял с него подгузник.

– Господи! – ахнул суперинтендант⁶.

– Вы только гляньте! – сказал помощник coronера.

– Жесть! – пробормотал детектив.

За годы работы я показывал многие ужасные раны полицейским – нанесенные всевозможными видами оружия, по самым разным причинам, от слепой страсти до роковой ошибки, но их редко встречали подобными возгласами. Что же сегодня вызвало такую реакцию?

Опрелость.

С живота ребенка она распространилась на бедра, и большая часть кожи под подгузником была раздраженной, красной и кровоточила.

Фотограф молча сделал снимки. Полицейские между тем говорили без умолку.

– Нужно же просто кремом помазать, и все, – сказала инспектор. – Почему никто не удосужился этого сделать?

– Этому не может быть оправданий, – согласился помощник coronера.

– Нет, в самом деле, что может быть проще. Он же такой дешевый... и все сразу же проходит.

– В бумагах говорится, что ребенок много плакал, прежде чем умер, – сообщил детектив.

– И сколько же это длилось? – спросил я.

---

⁴ Есть фамилия Фергюссон и имя Белл, но, судя по всему, здесь Фергюссон – это имя, а не фамилия, а Белл – фамилия, потому что к отцу позже обращаются «мистер Белл».

⁵ В российской практике одежду срезать запрещено.

⁶ Звание в английской полиции, идет следом после старшего инспектора.

– Эм-м... три недели.

– Три недели! – воскликнула инспектор. – Он плакал целых три недели!

– От опрелости пока еще никто не умирал, но она может объяснить газы в кишечнике. Если ему было больно и он все время плакал, наверняка отказывался есть и постоянно глотал воздух... С другой стороны, мне, может, удастся найти и какое-то другое объяснение такому количеству газа, – ответил я.

Детектив сказал:

– В больнице в качестве причины смерти предположили СВДС⁷.

Может, это действительно был СВДС. В неблагополучных семьях дети чаще умирают внезапно, безо всякой видимой причины, и если эта опрелость о чем-то и говорила, так это о том, что ребенок не получал должного ухода.

Состояние подгузника может о многом поведать: мне доводилось находить даже куски бумажной прокладки в кишечнике у маленьких детей, которые от голода начинали грызть собственные подгузники.

Люди могут плохо заботиться о своих детях по многим причинам, порой совсем непростым. Хотелось бы мне больше узнать об этом деле, о родителях, обстоятельствах их жизни, но, как это обычно бывает на ранней стадии расследования, толком ничего известно не было.

– Вы были у них дома? – спросил я у детектива.

– Да, самая ненавистная часть моей работы.

– И?

– И ничего. Миленький заблокированный дом. Обеспеченные. Район для среднего класса.

– А дома у них как, бардак?

Не то чтобы у нас дом сиял чистотой и порядком, когда родились дети, однако у пьяниц, например, дома царит особый беспорядок. Пыльные тренажеры соперничают за место с выброшенными детскими игрушками, пакетами с подгузниками, грудками грязного белья и многочисленными пустыми бутылками.

– Не. Очень чисто.

– Ни выпивки, ни наркотиков?

– Даже намек, и, раз уж на то пошло, не думаю, что они из этих. Ребенок перестал плакать, и они положили его в кроватку. Мать подошла к нему час спустя – он был уже мертв. Вызвала скорую, но было слишком поздно. Больше мы ничего не знаем.

– Родители работают?

– Да... Она то ли секретарем, то ли администратором, а он... Думаю, он врач.

– Врач? – переспросила инспектор. – Врач! Как мог он допустить такую ужасную опрелость у своего маленького ребенка?

– Ох, не думаю, что из врачей всегда получаются хорошие родители, – сказал я, стараясь не слишком думать об этом, пока провожу вскрытие Фергюссона.

– Мне не очень понравилось, как вел себя отец, когда я его допрашивал, – сказал детектив. – Я бы сказал, что он был... настроен враждебно.

– Это ровным счетом ничего не значит, – отозвался помощник коронера. – Как только не ведут себя люди, когда в их жизни случается трагедия и к ним приходит полиция, задавая такие вопросы, словно это их вина.

Детектив посмотрел ему прямо в глаза.

– Иногда, – сказал он, – это действительно их вина.

---

⁷ Синдром внезапной детской смерти.

Я внимательно осмотрел Фергюссона в поисках признаков жестокого обращения и плохого ухода, но ничего не обнаружил. Никаких синяков, ожогов, порезов или царапин, лишь следы, оставленные фельдшерами скорой. Помимо опрелости и вздутого живота, у тела была лишь одна примечательная особенность: кожа младенца была чрезвычайно бледной. Иногда о людях европеоидной расы говорят – например, когда те испытывают шок, – что они бледные как смерть.

На самом же деле после смерти люди обычно не становятся более бледными, чем при жизни. Фергюссон между тем был белый как стена.

Когда пришла пора вскрывать тело, в секционной воцарилась гробовая тишина, а инспектор отвернулась. Как всегда, я сопровождал свои действия комментариями по анатомии и физиологии человека. Человеческое тело устроено потрясающим образом, и рассматривать его изнутри – поистине увлекательное занятие, если, конечно, удастся преодолеть отвращение. Я всячески стараюсь убедить в этом перепуганных зрителей. Удастся, правда, далеко не всегда.

Я сделал разрез, который мы специально применяем для маленьких детей: вместо обычного Y-образного используем T-образный: верхняя линия разреза проходит горизонтально через переднюю часть груди, чтобы на шее не осталось швов. Все разрезы мы делаем так, чтобы доставить как можно меньше боли родственникам, когда те просят показать им тело. Так что не стоит избегать такой возможности после вскрытия: близкий будет ждать вас таким, каким вы его помните.

Я так быстро провел скальпелем, что инспектор едва успела набрать воздуха в грудь. Затем я обнажил легкие. Грудная полость была заполнена жидкостью. Ее было так много, что произошел частичный коллапс одного легкого. Я взял образец.

– Значит, от этого он и умер? – Во взгляде детектива-инспектора, как я с облегчением заметил, теперь прослеживалось увлечение, чем отвращение. – От коллапса легкого?

– Сомневаюсь. Скорее всего, это случилось из-за того, что в груди из-за всей этой жидкости для легкого попросту не осталось свободного места. Да и жидкость говорит лишь о том, что его сердце постепенно отказывало. И ничего о конкретной причине.

– Постепенно? То есть, получается, это не может быть СВДС, – заметил детектив. Остальные одобрительно закивали.

– Пока рано делать какие-либо выводы, – ответил я.

На самом деле с синдромом внезапной детской смерти никогда не бывает полной уверенности. Мы можем лишь исключить все остальные возможные причины.

Я продолжил вскрытие тела и, бросив взгляд на инспектора, увидел, что она закрыла глаза.

– Постарайтесь разглядеть в этом маленьком теле то чудо, которое оно собой представляет, – сказал я.

Я действительно так думал.

Фергюссон умер в возрасте шести месяцев по причине, которую нам только предстояло установить. Тем не менее каждый ребенок, даже если он прожил такую короткую жизнь, – невероятное достижение природы. Задолго до начала нашей жизни сперматозоиды и яйцеклетки родителей образуются из клеток-предшественников в результате удивительного процесса, который называется мейозом. Что же делает его таким удивительным? То, что сперматозоиды и яйцеклетки – это не просто точные копии родительских клеток. В результате мейоза у сперматозоидов и яйцеклеток остается лишь половина своих хромосом, чтобы они смогли, даст бог, объединиться в единое целое. Причем мейоз включает в себя дополнительный, довольно рискованный процесс под названием «кроссинговер», в ходе которого хромосомы в каждой паре, прежде чем разделиться, обмениваются фрагментами ДНК. Художник,

тщательно наносивший на холст каждый цвет по отдельности, теперь берет в руки палитру и смешивает их, создавая совершенно новые оттенки. Так и задаются уникальные характеристики, и в результате ДНК женских яйцеклеток отличается от ДНК остальных клеток матери. Различия между поколениями задаются задолго до финального смешения ДНК, когда сперма и яйцеклетка наконец встречаются.

Только вот когда смешиваешь кистью слишком много разных красок, помимо ярких и красивых цветов может получиться и полная мазня – именно во время этой важнейшей стадии мейоза и появляются всевозможные хромосомные аномалии. Причем у женщин этот кроссинговер, от которого так сильно зависит, каким будет будущий ребенок, на самом деле происходит задолго до зачатия самого ребенка. Он происходит еще во время внутриутробного развития будущей матери, на самых первых неделях беременности бабушки. Сложно поверить, что события в жизни бабушки могут иметь столь долгосрочные последствия для вынашиваемого ею ребенка – ведутся многочисленные споры о том, насколько сильно мейоз подвержен влиянию внешних факторов...

Но если кто-то скажет, например, что Чернобыльская катастрофа 1986 года, возможно, продолжает давать о себе знать даже два поколения спустя, спешить отвергать эту идею явно не стоит.

После оплодотворения яйцеклетки сперматозоидом дальнейшие события с точки зрения обмена веществ и энергии можно сравнить с ядерным взрывом. В момент зачатия, когда две половинки ДНК от каждого из родителей объединяются в единое целое, начинается процесс стремительного деления и развития, поистине впечатляющий своим масштабом. Теперь мы имеем дело с митозом, в ходе которого клетки создают точные копии самих себя, в отличие от мейоза, порождающего половые клетки со смешанной ДНК.

Эта ошеломительная скорость, однако, связана с риском возникновения ошибок, способных положить конец жизни ребенка еще до его рождения.

У врожденных патологий – расстройств, с которыми ребенок уже приходит на этот свет, – много разных причин.

Прежде всего, это внешние факторы. Это может быть нехватка амниотической жидкости, необходимой для защиты ребенка, в результате чего отдельные части его тела сдавливаются и остаются в сплюсненном состоянии. Либо же мать (возможно, даже бабушка) могла попасть под воздействие радиации или паров ртути или же сама подвергнуть ребенка таким угрозам, как, например, влияние алкоголя. Еще один серьезный фактор представляют собой вирусы. Так, пандемия испанского гриппа 1918 года унесла жизни от 50 до 100 миллионов людей по всему миру, причем больше всего пострадало младшее поколение. В США заразились примерно треть всех женщин: беременных и детородного возраста. Проведенные в Соединенных Штатах долгосрочные медицинские исследования детей, чьи матери во время беременности переболели гриппом, показали, что спустя годы это могло привести к негативным последствиям для их здоровья. Так, у детей женщин, переболевших гриппом на ранних сроках беременности, чаще развивался диабет. Перенесенный в первых триместрах беременности грипп значительно повышал вероятность сердечно-сосудистых заболеваний у детей в будущем, причем даже в старости. У переболевших же в последние месяцы беременности рождались дети, которые в пожилом возрасте чаще сталкивались с заболеваниями почек.

Предполагается, что вирус гриппа оказывал на плод стрессовое воздействие, и, согласно одной из многих теорий, кровоснабжение в результате переключалось с жизненно важных органов на мозг плода, чтобы обеспечить ему дополнительную защиту. Это гарантирует выживание ребенка, но может запрограммировать определенные органы на отказ спустя пятьдесят, шестьдесят или больше лет. А поскольку развитие различных органов приходится на разные этапы беременности, конкретные последствия сильно зависят от того, в каком именно триместре мать подхватила грипп.

Возможно, теперь вы забеспокоитесь, что у новой пандемии могут быть аналогичные последствия. Что ж, быть может, COVID-19 вовсе не скажется на долгосрочном здоровье детей, зачатых и выношенных в этот период, чаще всего он бьет по старикам. Долгосрочные исследования все разъяснят, только вот у меня, к сожалению, уже не будет возможности ознакомиться с их результатами.

Вторая, не менее губительная причина врожденных патологий – унаследованные семейные гены. Связанные с ними болезни могут быть незаметными при рождении, потому что некоторые гены спят многие годы, прежде чем приведут к болезни или смерти. Большинство проявляются в первые годы жизни, однако хорей Хантингтона⁸, например, может дать о себе знать лишь сорок, пятьдесят или даже шестьдесят лет спустя.

Генетические ошибки – третья и самая распространенная причина врожденных проблем со здоровьем. Они происходят в процессе образования сперматозоидов (который мог быть всего две недели назад) или яйцеклеток (формирующихся гораздо раньше, еще во время внутриутробного развития женщины). Либо что-то могло пойти не так в период интенсивного клеточного деления уже после зачатия. Ошибки во время беременности чаще всего случаются в первые четыре недели. Органы расположены настолько тесно друг к другу и развиваются так взаимозависимо, что ошибка на этом этапе зачастую оказывается для плода смертельной. Причем даже если не случится выкидыша и плод продержится до рождения, эти ранние ошибки могут приводить к сильнейшим дефектам мозга или сердца, обрекающим на очень короткую жизнь.

С другой стороны, ошибки на более поздних сроках беременности могут приводить к врожденным патологиям, которые не будут заметны сразу или вовсе никогда не обнаружатся.

При вскрытии пожилых людей мне порой доводилось наткнуться на сердце с врожденным пороком, не бывшим причиной смерти или болезни, – уверен, о его существовании никто даже не подозревал.

Благополучное появление ребенка на свет вовсе не означает, что его опасное путешествие подошло к концу. Тех, кто пережил роды, ожидает, пожалуй, самый опасный год во всей их жизни. После риск смерти резко снижается, и вплоть до пятидесяти пяти лет мы и близко не подойдем к уровню опасности первого года жизни. К этому времени о себе начинают давать знать вредные привычки, возрастные заболевания, несчастные случаи – вероятно, из-за отсутствия осознания снижающихся с возрастом возможностей организма, неестественных явлений вроде загрязнения воздуха или способного на убийство супруга или даже все тех же оставшихся незамеченными врожденных патологий.

Я смотрел на тело Фергюссона Белла и понимал, что о нем плохо заботились, – как ни странно, опрелости были единственным признаком, указывающим на это. Вместе с тем его бледный вид и вздутый живот говорили о явной врожденной проблеме. Могла ли она стать следствием подхваченного матерью вируса? Или же причина была в ошибке, возникшей, пока его клетки делились в утробе? Как бы то ни было, она дала о себе знать в том возрасте, когда большинство младенцев начинают отнимать от груди и давать новую пищу.

Кишечник Фергюссона был раздут. Жидкость, из-за которой произошел коллапс легкого, полностью пропитала все ткани: это явно указывало на осмотическое (излишнее) давление

---

⁸ Наследственное заболевание нервной системы. Обычно начинается в возрасте 35–50 лет. В самом начале возникают проблемы из-за внезапных резких, не поддающихся контролю движений. В других случаях больной, наоборот, двигается слишком медленно. Речь становится невнятной, постепенно нарушаются координация движений и все функции, требующие мышечного контроля: человек начинает гримасничать, испытывает трудности с жеванием и глотанием. Из-за быстрого движения глаз нарушается сон. Все это сочетается с психическими расстройствами.

вследствие сердечной недостаточности, прежде чем он умер, – вероятно, имел место врожденный порок сердца.

Но если дело было не в сердце, тогда в чем?

Несмотря на воздействие жидкости, его внутренности выглядели безупречно. Изумительный ландшафт, созданный всего за девять месяцев, но доводившийся до совершенства тысячелетиями. Каждый раз, когда вижу его, а это многие тысячи раз, я с превеликим удовольствием отмечаю, как каждый орган расположен в своей полости в нужном месте, призванный должным образом выполнять свою функцию для поддержания жизнедеятельности всего организма.

Самый прекрасный орган у младенцев – это мозг. Он полностью сформирован, но еще не окрепший.

Сначала он лишь едва проглядывает сквозь матовое стекло покрывающих его мягких оболочек. Убрав их, можно увидеть материю желто-серого цвета, местами полупрозрачную, окутанную невероятными узорами кровеносных сосудов. Она покрыта слоем коры головного мозга, светло-коричневой, словно выделанная кожа, только гораздо тоньше. Ее иногда сравнивают с фольгой, в которую заворачивают шоколадные яйца, – она плотно обволакивает все борозды и извилины завораживающего ландшафта поверхности головного мозга.

Под твердой оболочкой находится мягкий желеобразный детский мозг, напоминающий грецкий орех, но лишь формой и никак не размером, цветом или консистенцией. Внутри этого «грецкого ореха» ткань белесого цвета: когда мозг полностью окрепнет, она станет окончательно белой. Иначе говоря, когда все нервные клетки покроются миелином, что будет происходить постепенно на протяжении первых двадцати пяти лет жизни. Глубоко-глубоко внутри снова появляется серая ткань, которая работает независимо от нашего сознания, незаметно поддерживая сердцебиение, дыхание, иммунную функцию, гормональный баланс, заставляя нас регулярно моргать... Эта автономная система работает без лишнего шума, но постоянно при деле.

Мозг Фергюссона был прекрасен, и в нем не было каких-либо видимых проблем: все его органы выглядели здоровыми. За исключением разве что одного. Не слишком ли большой была его печень? Это довольно крупный орган, и у младенцев он кажется особенно большим. Печень землянисто-темно-красно-коричневого цвета и расположена в верхней правой части брюшной полости, но из-за крупного размера заходит и на левую сторону. Лениво повисшая на других органах, она напоминает мне большого кота, развалившегося на солнцепеке.

– Тут может быть кое-что интересное... – сказал я полицейским.

Они вытянули шеи, наблюдая, как я обследую печень Фергюссона. Я не был уверен, пока не разрезал ее, а затем не повернул скальпель, подставив его под ослепительный свет ламп секционной – старая привычка. И когда лезвие яркой вспышкой ударило мне по глазам, я все понял. Жир. У Фергюссона был гепатоз⁹.

Я мог исключить самую распространенную причину увеличения печени и накопления в ней жировой ткани – злоупотребление спиртным. Пьянство – это насилие над этим невероятным органом, однако печень очень многое готова нам простить. Наутро после бурной ночи в печени пожилого человека может отложиться жир, но, как правило, она восстанавливается, если ее владелец на некоторое время сможет воздержаться от спиртного. Когда же бурные ночи становятся образом жизни, жир превращается в «сливочное масло». Печень алкоголика похожа на кусок фуа-гра. Она не справляется с нагрузкой, и пропитанные жиром клетки начинают массово погибать. На смену им приходит соединительная ткань – по сути, печень покрывается рубцами. Они нарушают нормальное кровоснабжение, лишая оставшиеся клетки печени

---

⁹ Жировая дистрофия печени.

доступа кислорода. Так рубцовая ткань разрастается, и в какой-то момент у алкоголиков наступает точка невозврата, когда даже полное воздержание не в состоянии остановить прогресс заболевания, именуемого циррозом печени. В итоге получаем печень, которая напоминает скорее маринованный корнишон: маленькая, ссохшаяся, изрытая язвами.

Печень Фергюссона была гладкой и красивой, но все-таки я проверил ее на содержание спирта – слишком уж явно она демонстрировала все признаки проведенного в баре вечера.

За годы моей работы тесты показали, что многие родители прибегают к алкоголю, чтобы успокоить ребенка.

Но не в случае с Фергюссоном. Мои подозрения все больше усиливались. Бледный опухший вид, жировая печень: я был практически уверен, что ему не посчастливилось унаследовать какой-то дефектный ген.

Я поднял глаза.

– Готов поспорить, что у него врожденное нарушение обмена веществ.

Инспектор моргнула.

– А это еще что такое?

– Их бывает десятки разных видов. Они всегда унаследованные и не дают организму нормально усваивать что-то из рациона питания, в итоге это накапливается в нем, пока не причинит чудовищный вред.

– Никогда о таком не слышал, – сказал помощник coronera.

– Это что-то типа аллергии на арахис? – спросил детектив.

– Это не аллергия, но, судя по всему, связано с рационом питания Фергюссона. Видимо, какие-то определенные продукты вызывали у него проблемы.

– Но ему всего полгода, – недоумевающе сказала инспектор. – Что же такого он мог есть?..

– Полагаю, мать только начала приучать его к твердой пище.

Инспектора такой ответ не устроил.

– Тогда почему она не делала этого постепенно, чтобы понять, что именно вызывает проблему?

Я вернулся к работе: каждая необъяснимая смерть требует тщательного изучения.

Как бы то ни было, я понимал, когда мы только увидели ужасную опрелость, что инспектор будет враждебно настроена по отношению к родителям. Нам была нужна дополнительная информация – от родителей и моих коллег: здесь нужно было разбираться соответствующим специалистам.

Каждое врожденное нарушение обмена веществ – большая редкость, но их настолько много, что педиатрам скучать не приходится.

Когда пришли результаты биохимического анализа крови и мочи ребенка, я отнес их напрямую к педиатру. Чтобы выяснить, в чем именно дело, пришлось обойти многих специалистов в университете Сент-Джордж.

Поначалу все указывало на то, что Фергюссон стал жертвой какого-то вируса. Иммунофлуоресцентный анализ¹⁰ тканей печени дал положительный результат на парвовирус¹¹, но позже вирусологи пришли к выводу, что он был ложным. Как я и подозревал, вскоре нам пришлось вернуться на кафедру генетики, к специалистам по врожденным нарушениям обмена веществ.

Было проведено множество анализов и дискуссий, в итоге понадобилось почти пять месяцев, чтобы все специалисты сошлись во мнении: Фергюссон страдал от недиагностированного врожденного нарушения обмена веществ, которое проявило себя, лишь когда ему начали

---

¹⁰ Набор иммунологических методов для качественного и количественного определения поверхностных и внутриклеточных антигенов в образцах.

¹¹ Семейство самых мелких ДНК-содержащих сферических вирусов.

давать твердую пищу. Выяснилось, что его организм был не в состоянии перерабатывать фруктозу – натуральный сахар, содержащийся прежде всего во фруктах, а также в столовом сахаре. Кроме того, фруктоза выступает важным звеном в метаболической цепи, преобразующей сахар в энергию, необходимую клеткам организма для работы.

В результате организм может производить гликоген – вещество, в котором тело запасает энергию, – но не в состоянии его расщеплять, чтобы эту энергию высвободить. Печень при этом может стать большой и пропитанной жиром, прямо как у заядлого пьяницы.

Специалист по обмену веществ удивился тому, что в современном мире с развитой медициной ребенок может умереть от этой редкой болезни – ее можно и нужно было выявить и скорректировать рацион задолго до того, как здоровье и жизнь малыша оказались в опасности.

Что же пошло не так в случае с Фергюссоном? Всему виной крайне неудачное стечение обстоятельств. Настолько неудачное, что инспектор была готова возбудить уголовное дело.

Родителей тщательно допросили. Начав читать протокол допроса, я понял, что родители очень любили своего ребенка и делали то, что считали правильным. Отец практиковал нетрадиционную медицину, и оба супруга испытывали крайнее недоверие к обычным врачам.

В итоге с момента рождения ребенка не показывали ни одному специалисту: никто не приходил к ним из больницы на дом, не взвешивал его, не проверял, ну и, конечно, он не получил ни одной прививки.

Когда мать стала отлучать Фергюссона от груди, родители разработали для него, как они полагали, совершенно натуральный, безопасный и питательный рацион в полном соответствии с собственными убеждениями – возможно, таким он и был бы для большинства детей. Этот рацион включал патоку, яблочный уксус, мед, соевое молоко, фрукты и овощи. Они никак не могли знать, что тщательно продуманный рацион в итоге убьет их сына.

Организм Фергюссона был не в состоянии усваивать не только фрукты, но и, вполне вероятно, некоторые компоненты патоки, меда и соевого молока. Скармливая ребенку все это, они, сами того не зная, уничтожали его печень.

Встревоженный непрекращающимся плачем сына, отец в итоге показал Фергюссона одному коллеге-гомеопату, которая настоятельно рекомендовала им обратиться к терапевту. Она обратила внимание на ужасные опрелости у ребенка и велела немедленно начать наносить крем, чтобы как можно быстрее от них избавиться. Проблема в том, что на протяжении всей консультации ребенок не переставал плакать, накаляя обстановку, и отец оскорбился предложением коллеги. Он принялся сердито настаивать на том, что не верит в обычную медицину и уж точно не станет ничего покупать в аптеке, считая, что крем нарушит нормальную работу организма и «не даст сыпи выйти наружу».

Читая эти строки, я ощутил, как мое сочувствие к этому мужчине, лишившемуся ребенка, понемногу угасает. Неужели опрелость и правда была настолько ужасной, какой она мне запомнилась? Я достал сделанные на вскрытии снимки: да, вся кожа в области промежности была сильно раздраженной, красной и в кровоподтеках. Через две недели после того, как он отказался воспользоваться советом коллеги, ребенка не стало. Конечно, его убила не опрелость, а наследственное заболевание, но я был уверен: инспектор посчитает, что родители как минимум проявили халатность, не обратившись к врачу по поводу нескончаемого плача ребенка, когда начали отлучать его от груди. В конце концов, они даже не попытались пересмотреть составленный ими рацион.

Она написала мне сдержанное письмо: «Возможно, глубоко укоренившиеся убеждения мистера Белла помешали ему оказать наилучший уход своему сыну». Обычно наследственные болезни подобного рода действительно довольно быстро выявляются терапевтом, и он тут же назначает лечение. Иногда установить, какой именно дефект имеет место, удается не сразу,

поскольку различных нарушений обмена веществ огромное множество, и большинство из них встречается крайне редко. Тем не менее, как только диагноз поставлен, простая корректировка рациона питания обычно сразу все меняет. Как я и предполагал, инспектор обратила на это внимание и сообщила, что намеревается возбудить дело против мистера и миссис Белл.

Я был рад, что Королевская уголовная прокуратура не согласилась с ней. Конечно, в идеале супруги должны были обратиться к врачу, как только поняли, что с Фергюссоном что-то не так, но они действовали в интересах своего ребенка, пусть и в соответствии с собственными убеждениями. Им неоткуда было знать, что у Фергюссона болезнь, поражающая одного из десяти тысяч, а по мнению некоторых, и вовсе одного из ста тысяч детей. Я все-таки не перестал им сочувствовать, но особо не ожидал услышать о супругах Белл снова. Кто бы мог подумать, что наши пути вновь пересекутся, и на этот раз их дело будет странным образом перекликаться с моей собственной жизнью.

В отличие от большинства врачей, моя работа состоит не в предотвращении смерти, а в ее максимально подробном изучении.

Судмедэксперта вызывают в случае внезапной или необъяснимой смерти, чтобы осмотреть тело – иногда прямо на месте преступления. Пожалуй, у меня и правда особые отношения с мертвыми. Я не испытываю к ним ни страха, ни отвращения, столь характерных для многих людей. Мертвым невозможно навредить. Тем не менее каждое тело – неважно, наступила смерть по естественным или неестественным причинам, – служит для меня наглядной иллюстрацией невероятной беспомощности человека. Обнаженные и неподвижные, неспособные защитить себя или обидеть кого-то другого, они наполняют меня состраданием. Все сложности, которые только могли быть их в жизни, испарились, все секреты открылись, все, что имело хоть какое-либо значение, стало совершенно неважным.

Я пытаюсь ответить на один главный вопрос: от чего умер человек передо мной? Чтобы выяснить правду, порой приходится проделать огромный путь. Он начинается на месте обнаружения тела, продолжается в секционной, затем петляет по очереди всевозможных экспертов – это могут быть специалисты по мухам, пыльце, брызгам крови, криминальной психологии и многому другому, – и уже потом доходит до криминалистических лабораторий с их анализами ДНК и баллистическими экспертизами.

Иногда, несмотря на все приложенные усилия, правда ускользает, и смерть остается тайной. Временами вскрывается множество неприятных подробностей. Если не остается сомнений, что было совершено преступление, все заканчивается, даст бог, уголовным делом, ну или хотя бы справедливым судебным разбирательством. Наконец, то, что началось с простого вскрытия, для меня может обернуться выступлением в качестве свидетеля-эксперта в суде, где я могу провести несколько часов (а порой и дней или даже недель), пока защита и обвинения поочередно будут осмыслять, переосмыслять и оспаривать мое медицинское заключение.

Итак, по работе я довольно тесно контактирую с теми, кто утонул, разложился, сгорел, кому не повезло, кто был ужасно несчастен, кого убили... Я могу быть увлечен, озадачен или ужасно опечален, и все это в один день.

Тем, кто работает с мертвыми, порой жизненно необходимо место, куда можно сбежать, чтобы забыться и восстановиться после невероятной эмоциональной нагрузки, которую они, сами того не ведая, возлагают на нас (как бы сильно мы ни старались быть максимально отстраненными). В такие моменты жизни отпуск всегда приносил мне спасение. Мы пробовали ездить в Грецию, Турцию, все привычные курорты с горячим песком... но лучше места, чем дом, найти было невозможно. Большой дом Ангуса и Мэгги, родителей моей жены на острове Мэн, окруженный собственными фермерскими угодьями с потрясающим видом на море

и гуляющими по нему штормами. Пляжи в изобилии, горы, прогулки по вересковым пустошам... Но ничто не могло сравниться с теплым приемом. Я купался в их тепле и восторге, с которыми они встречали нас и наших детей, в их удивительной способности предвосхищать чужие желания: вкусный стол, хороший солодовый виски, растопленный камин – все это появлялось словно из ниоткуда, прежде чем мы успевали осознать в этом потребность.

Я знаю лишь нескольких людей, способных по-настоящему скрасить жизнь, и Ангус и Мэгги были двумя из них. Именно на острове Мэн мне впервые пришло в голову, что моя обычная жизнь бывает немного унылой: проведя целый день в мрачной секционной за вскрытием трупов, я возвращаюсь домой к спокойным повседневным хлопотам.

Ангус и Мэгги вели чрезвычайно активную социальную жизнь. Гостя у них, мы наряжались для приемов, ходили в рестораны, болтали и смеялись с их друзьями, а затем отправлялись куда-нибудь еще на ужин. Это кардинально отличалось от того, как мы жили дома. У двух занятых врачей не было времени на званые обеды, не говоря уже о приемах. Иногда мы приглашали соседей на ужин, однако, наблюдая за Мэгги и Ангусом в действии, я понимал, насколько же плохим был хозяином, ровным счетом ничего не смыслящим в науке гостеприимства.

По совершенно случайному совпадению у моего двоюродного брата Джеффа были какие-то финансовые дела на острове Мэн как раз в тот момент, когда мы проводили там наш шумный и веселый отпуск, а по работе я был с головой погружен в дело Фергюссона Белла. Джефф имел особое отношение к той части детства, что предшествовала ранней смерти моей матери. Наши мамы были сестрами, и порой что-то в тетинном взгляде или манере говорить, даже когда я вырос, до боли напоминало о маме. Так я хотя бы на мгновение воскрешал в памяти дорогого человека, которого так рано потерял.

Словно этой связи было недостаточно, в детстве мы с Джеффом всегда были лучшими друзьями. А когда я учился на врача в Лондоне, мы часто виделись. Потом он эмигрировал в Австралию, и с тех пор мы почти не общались, но родня держала меня в курсе его дел. Серфинг, сельское хозяйство, управление отелем, переделанным из фермерского дома, потом он заделался диджеем... Я потерял счет его начинаниям, как и многочисленным бракам и множеству детей. Впрочем, ничего из этого меня нисколько не удивляло. Жизнь Джеффа, в отличие от моей, никогда не складывалась по общепринятому шаблону. В начальной школе я был прилежным школьником, а Джефф по ее окончании даже не сдал дополнительных экзаменов на выбор профильного предмета. По дороге на экзамен он так увлекся увиденным на экране телевизора в витрине магазина, что попросту опоздал на него, а когда все-таки пришел, туда уже не пускали.

Я переживал, что родители моей жены могут не понять Джеффа с его австралийской культурой и альтернативным образом жизни, но недооценил Мэгги и Ангуса, совершенно позабыв к тому же, насколько обаятельным был мой двоюродный брат. Уже через несколько часов казалось, будто они знакомы многие годы, а что касается меня, все стало прямо как в детстве – мы не переставая шутили и дружно смеялись. Джефф играл в крикет на пляже, рассказывал совершенно невероятные истории о жизни в Австралии, латал дыры в заборах на ферме, прогонял Мэгги из кухни, в первый же вечер настояв на том, чтобы самому приготовить ужин, и приводил наших детей в полный восторг.

За эти три дня мы с Джеффом совершили несколько долгих прогулок, во время которых говорили о нашей семье и вспоминали прошлое. Он сообщил, что какое-то время провел в глубине континента, в его малонаселенной и засушливой части. Он с большим уважением относился к культуре коренных народов и повстречал ряд целителей, которые сторонились западной медицины, но достигали невероятных результатов в лечении очень больных людей. Джефф любил невероятные результаты. Помню, как в детстве мы попробовали специальное масло для волос, добытое, конечно же, им. Предполагалось, что волосы от него будут расти в два раза быстрее – в ту эпоху длинные волосы были мечтой молодежи и предметом раздра-

жения стариков. Я никакого эффекта не заметил, однако Джефф утверждал, что его волосы всего за неделю сильно отросли и посветлели.

Мы остановились на тянущейся вдоль берега тропе высоко над уровнем моря – настолько высоко, что даже не было слышно грохочущих снизу волн, – и Джефф сообщил мне, что у него на теле появились какие-то шишки, с которыми ему, когда он вернется в Австралию, поможет один друг-целитель.

Я предложил ему показать их мне.

Пожав плечами, он стянул свитер и приложил мои пальцы к своей шее.

– Надеюсь, это не от масла для волос, – сказал я, но Джефф не засмеялся. – Потрясающая штука была. Жалко, я его не приберег!

Я сразу же нащупал эти шишки под его челюстью. Они были твердыми и упругими.

– Болит? – спросил я.

– Не-а.

– А еще где-то есть?

Джефф бесцеремонно сразу же принялся раздеваться. Он поднял вверх руки и потянул мои пальцы к своей волосатой подмышке. Узелки. Твердые и упругие.

– Еще они у меня здесь...

Он было собрался снимать брюки, но я его вовремя остановил.

– Можешь больше не показывать... Полагаю, они у тебя в паху?

– Ага. Мой целитель сказал, что нужно принимать серебро, чтобы сблизиться с землей. Эти шишки, по его словам, указывают на то, что в последнее время я слишком много размышляю о прошлом, и мне нужно вернуться в настоящее...

Он стал одеваться. Силуэт его худого загорелого тела отчетливо выделялся на фоне облаков. Вода под нами была темно-синего цвета. Местные называют туманную дымку над водой плащом Мананнана¹², и теперь этот плащ был у меня в голове: нечто неосоздаемое, чего нельзя увидеть, но можно почувствовать. Печаль. И ее жестокий близнец – утрата.

Мой двоюродный брат и друг детства теперь пристально смотрел на меня.

– Дик?..

– А этот... целитель. Он же не врач?

– Еще чего, он во все это не верит.

– Но он же разбирается в медицине аборигенов?

– Черта с два! Он какое-то время учился у аборигенов, но разработал собственные теории. Он ушел в пустынные земли, чтобы уединиться, и вернулся с... невероятными знаниями. Хотел бы я, чтобы вы с ним встретились, Дик.

В душе я был рад, что не встречу с целителем, верящим, будто эти шишки вызваны ностальгическими воспоминаниями, и теперь утверждающим, что от них поможет серебро.

– Джефф, а ты вообще был у обычного врача?

– Не-а.

– Сделаешь мне одолжение? В качестве исключения? Сходишь, когда вернешься?

Он стал возражать, сказал, что полностью доверяет своему целителю, но мне удалось убедить его сходить ради меня в больницу, и в итоге он согласился.

Я был настолько обеспокоен, что связался с ним вскоре после его возвращения в Австралию.

– Ну ты же знаешь, Дик, какие они, эти врачи. Ты, наверное, и сам так делал. Придумывают кучу длинных слов, чтобы описать нечто совершенно простое.

---

¹² В ирландской мифологии владыка моря, живущий в Стране Вечной Юности. Он получил свое имя от названия острова Мэн, расположенного в Ирландском море на полпути от Ирландии до Британии. Среди прочих волшебных артефактов у Мананнана был волшебный плащ, который, подобно океанской глади, мог менять цвет и делал его обладателя невидимым.

Под длинными словами он подразумевал диффузную В-крупноклеточную лимфому. Если по-простому – рак. Я почти не сомневался, что у него лимфома, ну или лейкемия, однако и то и другое теперь прекрасно поддается лечению. Я был уверен, что его рак либо вылечат, либо очень долгое время будут сдерживать, если он перестанет слушать своего целителя.

– Да, врач сказал, что это медленная разновидность, так что, думаю, Брайан успеет с ним разобраться.

– Брайан?

– Мой целитель духовных и физических ран.

Это имя показалось мне каким-то слишком блеклым для целителя.

– А этот Брайан, значит, хочет лечить тебя серебром?

– Да, он уже начал лечение и уверен, что оно работает. На самом деле шишки у меня, кажется, уже стали немного меньше.

– Джефф, этот рак медленный, если его лечить. Если же нет, тогда...

– Да лечу я его, старик, лечу серебром. Брайан свое дело знает.

Джефф не прожил и года. Я был рад, что мы повидались на острове Мэн – жаль, что это было в последний раз. Его смерти можно было избежать, и я был невероятно зол на этого Брайана с его серебром и чепухой. Особенно когда вдова Джеффа, которой я позвонил, чтобы выразить соболезнования и поговорить о нем, сообщила, что они продали ферму, чтобы оплатить его лечение.

– Он что, вообще не пробовал обычную медицину? – раздраженно спросил я.

– Еще как пробовал. Нам в итоге пришлось, только вот толку от нее, само собой, никакого не было, – сказала она.

– Потому что вы обратились слишком поздно!

Но она и слушать меня не хотела.

– Брайан предупреждал, что мы только теряем время с врачами и, как всегда, оказался прав. Знаешь, когда Джефф был уже при смерти и Брайан пришел к нему в больницу и увидел, что ему дают кислород, он сказал, что его травят.

Больше мне сказать было нечего. Называть Брайана шарлатаном не было никакого толку. Я звонил Джеффу несколько раз, пока он проходил свое «лечение», и мне стало ясно: он вложил в своего целителя столько веры и надежды, что уже просто не мог пойти на попятную. Подобно человеку, зависимому от азартных игр, ему только и оставалось, что продолжать вкладываться.

Джефф пожертвовал жизнью, отстаивая свои убеждения. Они не были основаны на каких-то серьезных доказательствах и не имели никакого отношения к морали или политике: это были просто его личные взгляды, составлявшие его неотъемлемую часть. И когда вскоре после смерти Джеффа со мной связались по поводу дела Фергюссона Белла, я понял, что то же самое было верно и в отношении мистера Белла, хотя в его случае пожертвовать жизнью ради убеждений отца пришлось беспомощному ребенку. Так что, пожалуй, я уже не так сильно сочувствовал супругам Белл, когда мне позвонил один из специалистов по обмену веществ, занимавшийся делом Фергюссона.

У супругов родился новый сын, и на этот раз им уже было никак не отвертеться от внимания НСЗ¹³. По мнению специалиста, второго ребенка следовало обязательно проверить на наличие проблемы, которая была у Фергюссона: должно быть, оба родителя были носителями рецессивного гена, и с вероятностью 75 % их второй ребенок мог либо унаследовать полноценную болезнь, либо стать носителем. Правду о новом брате Фергюссона можно было быстро установить с помощью простого анализа на непереносимость фруктозы.

---

¹³ Национальная служба здравоохранения Великобритании.

Только вот для его проведения требовалось взять шприцем кровь, а отец наотрез отказался допускать подобное вторжение традиционной медицины и упорно боролся, чтобы этого не произошло. К счастью, существовал другой способ провести проверку с учетом требований отца: сравнительный анализ ДНК обоим младенцам. На тот момент это было сложнейшей задачей, но одна лаборатория великодушно предложила попробовать сделать анализ. Собственно, для этого мне и звонил специалист – спросить, не осталось ли у меня образца тканей покойного Фергюссона, который они могли бы использовать? С его помощью они могли бы выделить ген, отвечающий за непереносимость.

К счастью, у меня сохранился образец, и анализ показал, что второй сын – носитель. Это означало, что он мог передать этот ген своим детям, и если бы по воле судьбы такой же ген оказался и у их матери, им бы не посчастливилось родиться с непереносимостью фруктозы. Между тем самого ребенка эта проблема обошла стороной.

Такой вот хороший конец был у этой печальной истории, лишь слегка омраченный дальнейшими действиями отца в мире альтернативной медицины. Многие люди испытывают здоровое недоверие к традиционной медицине, но порой готовы его пересилить, если болеют и нуждаются в лечении.

Открытое и публичное презрение мистера Белла к обычной медицине после смерти сына никуда не делось. Мое сочувствие к нему окончательно сошло на нет, когда я узнал, что он, не получив никакой соответствующей квалификации, из мистера Белла превратился в доктора Белла и публично заявил – и, вероятно, продолжает по сей день, – что разработанные им методы способны вылечить рак и другие тяжелые болезни. Он призывал всех, кто разделяет его взгляды, отказаться от химио-, лучевой терапии и других общепризнанных форм лечения рака и вместо этого использовать его целительную диету. По крайней мере, у тех, кого он лечит, есть право выбора. У моего двоюродного брата Джеффа тоже был выбор, и он выбрал смерть. У покойного сына мистера Белла, разумеется, никакого выбора не было. В этом-то и состоит вся проблема дела Фергюссона Белла: на одной чаше весов было право супругов Белл отвергнуть традиционную медицину, а на другой – право Фергюссона на жизнь. С подобным выбором сталкиваются все родители, пусть и не в такой явной форме, когда принимают решение, делать ли своему ребенку прививки. Я полагаю, что те, кому предоставили полную и достоверную информацию, непременно должны прийти к выводу, что риск заражения, скажем, корью, как для их ребенка, так и для общества в целом, с огромным запасом перевешивает риск вакцинации. И тем не менее многие родители все равно решают не прививать детей.

Как же невероятно трудно отказаться от своих убеждений. Как же, должно быть, тяжело было мистеру Беллу, самопровозглашенному доктору, признать, что у его сына проблема, с которой традиционная медицина могла помочь, а его собственные методы – нет. Если бы он это признал, это не только пошатнуло бы его веру, но и потребовало бы полного ее пересмотра. А он не был готов столь кардинально менять свои взгляды. Лишившись этих убеждений, возможно, он задумался бы, кто он такой на самом деле. Мы находим, теряем и снова находим себя на протяжении всей нашей жизни: порой, когда наконец достигаем старости, память стирается, а вместе с ней и самоопределение. И что тогда остается?

После смерти Джеффа я вновь долго и упорно размышлял о деле Фергюссона Белла и, пожалуй, изменил свое мнение. Теперь я чуть ли не жалею, что попытка уголовного преследования обернулась для инспектора неудачей.

Глава 2

Смерть Фергюссона, которая вовсе не была неизбежной, наглядно показала, насколько сложен и подвержен ошибкам процесс зачатия и беременности, а также насколько сильно благополучие новорожденных зависит от качества оказываемого им ухода. Порой любовь не менее опасна, чем ярость: будучи полностью зависимыми от взрослых, маленькие дети становятся жертвами неопытности, заскоков, идиотизма или слабости даже самых старательных родителей. Я потерял счет подобным детским смертям, причина которых лежит между тотальным невезением и абсолютным невниманием и безрассудством родителей.

Младенец, соскользнувший с верхней койки двухъярусной кровати, застрявший между стеной и матрасом, где попросту задохнулся. Младенец, погибший от ожогов после того, как упал за радиатор отопления.

Маленький ребенок, задушенный шнуром от ночника, висевшим над его кроваткой. Младенец, который был на руках у пьяного отца, когда тот рухнул с лестницы. Малыш, задушивший себя коробкой для завтрака, когда его оставили одного. Ребенок, которого мама, споткнувшись о собаку, уронила на металлическую аудиоколонку. Младенец, утонувший в ванне, когда родители отлучились, чтобы ответить на телефонный звонок. Младенец, скончавшийся от истощения и обезвоживания, оставшись в квартире наедине с отцом, который умер от передозировки наркотиков. Этому списку нет конца, и он пугает своим разнообразием. Никто не желал ни одному из этих маленьких детей смерти, но большинство из них погибло, по сути, из-за плохого – в той или иной степени – ухода.

А как насчет детей, которые действительно умирают по чьей-то воле? Когда больше никто не хочет, чтобы ребенок, прибывший в этот мир живым и здоровым в результате ряда биологических чудес, в нем оставался? Те, кто мучают или убивают детей, обычно не воспринимают их как зависимых маленьких людей. Некоторым и вовсе доставляет удовольствие причинять им боль. Жена, прятавшаяся под одеялом, чтобы не слышать криков дочери, когда ее лупил муж, объясняла в суде: «Я сказала ему, что он садист. Он признался, что ему нравится делать больно людям... а еще сказал, что ребенок раздражал и доставал его».

Между тем людей, которым доставляет удовольствие причинять боль, среди детоубийц меньшинство. Я прочитал множество протоколов допросов родителей полицией и могу сказать, что чаще всего те, кто решаются на убийство ребенка, воспринимают его бесконечный плач не как выражение потребности, а как хорошо просчитанную злонамеренную провокацию.

Удивительно, но в таких семьях порой оказывается старший ребенок, которому удалось избежать родительского гнева, потому что отец или мать увидели злой умысел лишь в поведении его брата или сестры. А для некоторых родителей детский плач олицетворяет нечто гораздо большее, чем их собственную беспомощность. Возможно, настойчивые требования ребенка напоминают им о собственных неудовлетворенных потребностях или о невыносимом множестве непреклонных требований других людей, с которыми они сталкиваются ежедневно. Вероятно, родителям попросту больше не на кого выплеснуть накопившуюся в них ярость. Быть может, детские крики обнажают все изъяны семейных отношений. Новорожденный ребенок – символ надежды, но на деле огромные потребности младенца могут лишить родителей последних радостей жизни. Нескончаемый детский плач может довести до ручки любого, особенно в условиях нищеты и запредельного стресса, хотя на деле никакая роскошь не способна от этого защитить. Тем не менее детоубийство не может быть оправдано. Давайте же послушаем, что говорят люди, сознающиеся в таких преступлениях.

Я провел вскрытие девочки четырех недель от роду, погибшей от черепно-мозговой травмы и субдурального кровоизлияния – очевидно, в результате сильного удара. На ее голове, лице и шее были заметны синяки – ее явно с силой хватали и удерживали. Кроме того, у нее были множественные переломы ребер: по моим оценкам, они были получены около десяти дней назад. Было очевидно, что этого ребенка систематически избивали, а затем убили.

У пары уже была одна девочка чуть старше года, и у нее не было каких-либо явных следов насилия. Ситуация в семье недавно резко изменилась, когда отец, Аарон, потерял работу в банке. На первых допросах пара все отрицала – прежде всего полиции, но, возможно, и самим себе. Вот что сказал отец, когда его впервые попросили объяснить синяки на лице новорожденной дочери.

ОТЕЦ: Ну мы думали, что как-то неправильно ее держим, когда выпускаем ей газы – другого объяснения мы не нашли... Следы прошли, но через несколько дней появились снова. Мы так и не смогли понять, в чем дело. Казалось странным, что они появляются все время в одном и том же месте, но мы так и не поняли из-за чего, потому что больше так ей газы не выпускали...

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Значит, вы не можете объяснить происхождение синяков у нее на щеках?

ОТЕЦ: Нет, я просто не могу этого понять!..

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Хорошо. При вскрытии судмедэксперт обнаружил у нее переломы ребер.

ОТЕЦ: Что вы говорите?

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Можете это как-то объяснить?

ОТЕЦ: Нет, я ничего об этом не знал, мне в голову не может прийти, как она могла их получить.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: У нее сломаны шесть ребер...

ОТЕЦ: Ни черта себе!

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Шесть сломанных ребер с одной стороны спереди, четыре с другой стороны, восемь сзади с одной стороны и три с другой.

ОТЕЦ: Господи Иисусе!

ДОЗНАВАТЕЛЬ: И она, очевидно, не могла сломать их сама.

ОТЕЦ: Нет, ну в смысле, мы выпускали ей газы, но не били же ее, просто по спине вот так гладили... Она плакала по ночам, но мы думали, что ей просто... кошмары снятся, ну или что-то в этом духе. Нет, я правда понятия не имею, как такое могло случиться.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Что ж, я думаю, что имеете.

ОТЕЦ: Нет, с чего бы мне врать?

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Непросто быть отцом новорожденного ребенка, но если вы вдруг не сдержались, уж будьте добры набраться смелости во всем признаться.

ОТЕЦ: Нет, ну я бы никогда не стал выплескивать злость на детях...

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Вскрытие также показало черепно-мозговую травму.

ОТЕЦ: Как... Как, черт побери, она могла ее получить?

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Об этом мы вас и спрашиваем.

ОТЕЦ: Это моя дочь, я ее любил... Если бы я сделал что-то не так, не вижу никакого смысла это скрывать или врать вам.

Нет даже намека на признание. А что насчет матери? Ее попросили объяснить, почему она пропускала приемы у врача.

МАТЬ: Я сказала Аарону: посмотри на нее, она выглядит так, словно мы ее избиваем, как я пойду с ней к врачу?

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Так и сказали?

МАТЬ: Да, так и сказала, но лишь потому... мне не хотелось, чтобы люди подумали, будто мы ее бьем, потому что мы этого не делали.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Должно быть, вы подумали, что все-таки сделали ей больно, либо это сделал кто-то другой.

МАТЬ: Я знала, что не делала этого, и у меня не было доказательств того, что это мог сделать Аарон. Никакого насилия я не видела.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Но вы все-таки подумали, что Аарон избил ребенка?

МАТЬ: Нет, не избил. Я подумала, что, может, он снова начал выпускать ей газы, как мы делали это раньше, вот синяки снова и появились...

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Но вы же сказали нам, что спросили у него, как именно он выпускал ей газы, и он вам объяснил, поэтому вы не могли так подумать.

АДВОКАТ: При всем уважении, мой клиент лишь пересказывает вам свои мысли.

МАТЬ: Полагаю, где-то в глубине своего разума я подумала: неужели это сделал он? Но подобные мысли, наверное, стараешься отогнать.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: То есть вы старались отогнать эти мысли?

МАТЬ: Потому что я не видела, чтобы он что-то делал, не слышала, чтобы она кричала... И он всегда очень хорошо с ними обращался. Такая мысль, может, и пришла мне разок в голову, но не более того.

В тот вечер отца снова допросили. На расспросы о травмах, полученных его дочерью, он отвечал все тем же удивленным тоном. Допрос пришлось остановить и перенести на следующее утро.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Вчера вечером, Аарон, вы попросили нас прекратить допрос.

ОТЕЦ: Мне нужно было время подумать.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: А еще, полагаю, вы хотели поговорить со своим адвокатом. Теперь, когда вы подумали, хотите ли что-то сообщить нам?

ОТЕЦ: Ну, только то, что это я нанес ребенку травмы, но... Знаю, что звучит ужасно, но я не понимал, что делаю. Это не оправдание. Я не оправдываюсь, но у меня была словно какая-то паника, а еще я был подавлен, потому что меня уволили с работы, и порой просто срывался. Но я не помню подробностей всего этого... А потом лишь сожалел о том, что сделал. Я не могу это объяснить. Это было как в тумане.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Ребенок много плакал, так ведь?

ОТЕЦ: Ее плач меня доставал, раздражал, и, думаю, я... как уже сказал... я сорвался и набросился на нее. Не помню, как или почему. После я помнил лишь то, что очень сожалел об этом.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Ребра ребенка были сломаны около десяти дней назад. Можете нам рассказать, как это произошло?

ОТЕЦ: Я толком не помню, если честно, это могло случиться когда угодно. Я правда не понимал, что делаю...

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Как, по-вашему, были сломаны ее ребра?

ОТЕЦ: Должно быть, я шлепнул ее или слишком сильно сжал в руках, сдавил, ну, не сдавил, а прижал к себе, чтобы она замолчала. Я не хотел сделать ей больно.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Но ребенок в таком возрасте...

ОТЕЦ: Я ее любил.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Мне нужно выяснить, как в точности она получила эти травмы, Аарон. Вы не могли бы с этим помочь?

ОТЕЦ: Возможно, я ее ударил.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Вы ее ударили?

ОТЕЦ: Скорее всего, я ее ударил. Я признаюсь в этом, но не могу вспомнить, когда именно и почему это произошло.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Нам важно, как это произошло...

ОТЕЦ: Я не смог бы сделать что-то подобное осознанно, понимаете, я не мог просто подумать: нужно ее заткнуть, так что я ее ударю. Я бы так не сделал. Я не такой человек. Со мной случилось нечто такое, из-за чего я сорвался... На меня столько всего навалилось, я так переживал из-за увольнения, но не помню, как это делал.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Но каждый раз, когда вы ее били, вас терзало чувство вины?

ОТЕЦ: Я лишь пытался ее успокоить и утешить. Не помню, как это делал, помню лишь чувство вины после этого.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Но сначала вы ударили ее по лицу, затем сломали ей ребра, а потом проломили череп... И вы не помните?

ОТЕЦ: Я бы никогда, никогда не сделал ничего, чтобы ей навредить, можете мне поверить. Если бы отдавал отчет в своих действиях. Очевидно, в тот момент я не отдавал.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Вы сказали своему другу, что ненавидите ребенка.

ОТЕЦ: Нет, это неправда.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: У вас не было к ней ненависти?

ОТЕЦ: Когда она плакала, я не испытывал ненависти к ней, это просто меня изводило.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Ваш друг сказал, что вы использовали слово «ненавидел».

ОТЕЦ: Может, я и правда такое сказал.

Живую дочь немедленно изъяли из-под опеки родителей, и после очень непростого судебного разбирательства – непростого из-за того, что ни один из них не признался, что ему что-либо известно о полученных ребенком травмах, – отца признали виновным в убийстве и жестоком обращении с ребенком, а мать – в последнем.

Судя по протоколам допросов, отец прекрасно знал, как следует себя вести: как взрослый, который любит своих детей. Кроме того, он знал, как вел себя на самом деле: жестоко.

Осознавая это несоответствие между человеком, которым он хотел быть, и тем, кем был на самом деле, он продолжал причинять ребенку боль, снова и снова. Пожалуй, подобное чувство знакомо многим родителям: Аарон – лишь крайний случай с максимально трагичными последствиями.

А вот еще одно дело. Сара была молодой матерью, чья дочь умерла в возрасте четырех месяцев. Подобно Аарону, ее показания с каждым допросом сильно менялись, но она разыграла совершенно другую карту.

Мать Сары подробно рассказала о ней полиции, сообщив, что еще в начальной школе у дочери были проблемы с поведением и успеваемостью. В средней школе над ней жестоко издевались одноклассники, а к четырнадцати годам она уже жила чрезвычайно активной половой жизнью. У нее за плечами было два аборта, когда в семнадцать лет после непродолжи-

тельных отношений она забеременела Кэти. Она жила с ребенком в муниципальной квартире. К ней заживал ее парень, а жившие неподалеку родители всячески помогали.

Когда я проводил вскрытие Кэти, гистологический анализ сердца показал наличие значительного лимфоцитарного инфильтрата¹⁴. Все указывало на вирусный миокардит¹⁵. В первом черновике своего отчета о вскрытии я написал: «Вирусные инфекции сердца бывают смертельными, однако многим удается после них поправиться, а у некоторых людей они и вовсе не вызывают никаких явных клинических последствий. Таким образом, вирусный миокардит может привести к смерти, но далеко не всегда».

Из-за наличия вируса убийство Кэти могло остаться незамеченным или как минимум недоказанным, если бы на следующее утро Сара не явилась в полицейский участок вместе со своей матерью и не призналась в убийстве Кэти. Ее тут же арестовали.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Что заставило тебя прийти в полицейский участок, Сара?

САРА: Чувство вины.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: За что?

САРА: За то, что я сделала.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Я понимаю, что тебе нелегко, но не могла бы ты рассказать, что случилось? Начиная со вчерашнего утра?

САРА: Кэти весь день отказывалась есть и без конца плакала. Это сильно выматывало, поэтому я положила ее в спальне и оставила плакать...

ДОЗНАВАТЕЛЬ: А где были вы?

САРА: В гостиной. Курила и все думала, думала. Я была на взводе.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: И что вы сделали потом?

САРА: Я пошла в спальню, вся на нервах – мне просто хотелось ее заткнуть. Я вытащила ее из кровати, положила на свою кровать, взяла простыню, в которую ее запеленала, и накрыла ей лицо.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Не могли бы вы показать своими руками, что именно сделали?

САРА: *(Показывает.)* Я положила правую руку ей на нос, большим пальцем прижав челюсть, чтобы она не могла дышать.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: И что сделала Кэти?

САРА: Ничего.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Она сопротивлялась?

САРА: Да, начала дрыгать ножками.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Как долго вы удерживали руки в таком положении?

САРА: Несколько секунд. Я не думала, что она от этого умрет.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: А о чем вы думали, когда это делали?

САРА: Я была на взводе, ни о чем не думала.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Что случилось потом?

САРА: Ну, когда она перестала дергаться, я убрала простыню и увидела, что у нее открыт рот. Я закрыла его и тут же вспомнила, что случилось за две недели до этого. Попыталась ее реанимировать, но она уже ни в какую не дышала.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: А что случилось за две недели до этого?

САРА: Я смотрела телевизор, как вдруг почувствовала, что что-то не так. Обычно я не проверяю, как там Кэти, но в тот раз что-то екнуло. Я положила

---

¹⁴ Является ключевой гистологической находкой, которая указывает на процесс острого клеточного отторжения.

¹⁵ Поражение сердечной мышцы, миокарда.

ее на живот – ей нравится так спать, – а когда пришла проверить, как она, увидела, что ее правая рука посинела. Я взяла ее на руки – она была холодной. Я потрясла ее, но она не реагировала, словно жизнь покинула ее.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: И что вы сделали?

САРА: Я побежала к телефону, позвонила маме, и она велела звонить в скорую. Я позвонила, и мне по телефону сказали, что нужно делать. Нужно было реанимировать ее, и у меня получилось.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: Понятно.

САРА: Только вот вчера, к сожалению, ничего не вышло.

ДОЗНАВАТЕЛЬ: А там еще кто-то был?

САРА: Нет, но я знала, что часов в восемь придет Майк, поэтому у меня созрел план. Знаю, что это прозвучит ужасно, но я была так напугана, что просто положила ее обратно в кровать. Я решила устроить так, чтобы Майк сам к ней зашел, увидел, что она умерла и не заподозрил бы в этом меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.